

Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг.

Л. Л—ой

I

Графъ Пирро

Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ удалось какимъ-то чудомъ выбраться изъ Совѣтской Россіи, я привыкла дѣлить людей на двѣ категоріи. Одна изъ нихъ это тѣ, которые, правда, знаютъ по наслышкѣ о томъ, что тамъ происходитъ, интересуются, — пожалуй, даже сочувствуютъ, но относятся ко всему этому, приблизительно такъ, какъ мы въ свое время относились къ газетнымъ сообщеніямъ о чумѣ въ Азіи.

Ужасно, люди гибнутъ сотнями, тысячами... да вичего не подѣлаешь: Слава Богу, далече! Лишь бы карантинъ былъ хорошій. Эти люди, когда узнаютъ, что я русская и недавно оттуда, относятся ко мнѣ сочувственно и хорошо. «Неправда ли, тамъ ужасно?» — спрашиваютъ они на языкѣ тѣхъ странъ, визу куда мнѣ удалось получить, и, обыкновенно, не дождавшись отвѣта, продолжаютъ: «слава Богу, что хоть вамъ удалось оттуда выбраться: здѣсь вы отдохнете и забудете». Но есть еще и другіе, есть тѣ, которые были тамъ сами. Они знаютъ, что выбраться оттуда еще недостаточно, что забыть нельзя. Они помнятъ, какъ обливалось кровью сердце у нихъ, когда они спасали свою жизнь и оставляли тамъ своихъ близкихъ, свои семьи, своихъ друзей. Они повимаютъ также, что, выбравшись оттуда, надо продолжать жить здѣсь, а жизнь это вещь во всѣхъ отношеніяхъ очень сложная.

Вотъ, когда эти люди спрашиваютъ меня о томъ, что дѣлается тамъ, и съ дрожью въ голосѣ называютъ лицъ, фамиліи которыхъ мнѣ, по большей части, незнакомы, тогда мнѣ дѣлается больно и досадно, что я такъ мало знаю и такъ мало могу имъ рассказать.

Мнѣ жилось въ Кіевѣ при большевикахъ относительно легче, чѣмъ остальнымъ. Объясняется это тѣмъ, что неожиданно для самой себя я очутилась служащей Китайскаго Исполнительнаго Комитета и Союза Китайскихъ гражданъ; впрочемъ, такъ это учрежденіе называется теперь, а прежде, когда я въ него поступала, это было просто Китайское Консульство.

Случилось это вотъ какъ: Въ день прихода въ Кіевъ Совѣтской власти, въ первыхъ числахъ февраля 1919 года, половина нашего дома была реквизирована штабомъ какой-то дивизіи или полка, не помню. Пришли они рано утромъ, человекъ 15; отдѣлили для себя, разумѣется, не спрашивая насъ. нѣсколько парадныхъ комнатъ, а намъ разрѣшили оставаться въ на-

шихъ спальняхъ. Обѣщали, что насъ стѣснять ни въ чемъ не будутъ, лишь бы имъ не мѣшали работать; словомъ, мы остались очень довольны нашими новыми постояльцами.

Вечеромъ я сидѣла одна въ столовой, братъ же домой не вернулся, а изъ сосѣднихъ комнатъ доносились смѣхъ и пѣнье, тамъ, очевидно, было очень весело. Дѣйствительно, солдаты ограбили какой-то буржуйскій погребъ, перепились и вскорѣ одинъ изъ нихъ явился въ столовую ко мнѣ делегатомъ: «чего-ты, бабочка, одна сидишь, иди въ наши аппартаменты чай пить». Я обѣщала сейчасъ прійти и незамѣтно чернымъ ходомъ, захвативъ почему-то, даже и теперь не могу понять почему, котиковую шапку брата, улизнула изъ дому.

Дѣло было зимой, вечеромъ, въ первый день злѣтїя города большевиками; на улицахъ было пустынно и жутко, и я рѣшила зайти въ ближайшїй къ намъ домъ моего дяди, гдѣ помѣщалось Китайское Консульство. Передъ своимъ бѣгствомъ въ Одессу, мой дядя, по примѣру прочихъ, пожелалъ заручиться какой-нибудь охраной для своего имущества. Вспомнилъ объ этомъ слишкомъ поздно, всѣ европейскіе консула уже размѣстились по особнякамъ въ Липкахъ, и на его долю никого не оставалось. Кто-то сказалъ ему, что на окраинѣ города, на Васильковской, кажется, улицѣ живетъ китаецъ, по всѣмъ видимостямъ, — консулъ, и будетъ, вѣроятно, очень радъ найти лучшее помѣщеніе. Мой дядя немедленно поѣхалъ за нимъ, привезъ на извозчикѣ и водворилъ у себя. Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ и семья дяди, и всѣ мы, бывавшіе тамъ, не переставали ухаживать за консуломъ. Я и теперь не могу вспомнить безъ смѣха нашихъ разговоровъ. «А что, чаю много пьютъ въ Китаѣ?» освѣдомлялись мы по очереди. «Цай? пьютъ цай; китайцы очень рюбятъ цай». Его манера не выговаривать большинства буквъ, произносить *p* вмѣсто *л*, которое вообще отсутствуетъ въ китайскомъ языкѣ, а, въ особенности, его необыкновенно комическїй внѣшнїй видъ забавляли насъ, а онъ добродушно смѣялся вмѣстѣ съ нами, не понимая причины нашего веселья.

Вотъ, подѣ охрану къ этому мандарину, я и отправилась теперь, въ трудную минуту.

Китаецъ принялъ меня въ высшей степени привѣтливо, пригласилъ также по телефону моего брата, и мы остались жить тамъ. Для большей правдоподобности я стала корреспонденткой, а братъ юрисконсультомъ консульства. Кромѣ насъ двухъ, штатъ состоялъ изъ консула самого, его лакея-китайца (бывшаго впоследствии одно время его замѣстителемъ) и молодого человѣка, — котораго дядя передъ отъѣздомъ помѣстилъ въ одной изъ комнатъ, — произведеннаго теперь въ секретари. Впрочемъ, кїевляне вскорѣ всѣ узнали о существованїи нашего учрежденїя; консулъ, по своему добродушію, никому не отказывалъ, и число служащихъ очень увеличилось. Появились врачи, корреспонденты, машинисты, курьеры, завѣдующіе канцеляріей, всего по нѣсколько экземпляровъ. Многіе поселились въ домѣ, благо пустыхъ комнатъ много было, и кончилось дѣло такъ, что однажды, поздно вечеромъ, когда мы, собравшись всѣ вмѣстѣ, спрашивали консула, любятъ ли китайцы чай, у подѣзда позвонили. Курьеры, врачи и корреспондентки попрятались, вышелъ отворить лакей-китаецъ. Выяснилось, что пришли изъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи за скрывающимися въ консульствѣ частными людьми. Консулъ насъ не выдалъ, поѣхалъ объясняться, по въ результатѣ

число служащихъ припужденъ былъ сократить. Зато оставшіеся стали пользоваться полной безопасностью.

Въ то время большевикамъ никто еще не угрожалъ, французская авантюра лопнула, добровольцы были загнаны далеко на Кавказъ, и Совѣтская власть чувствовала себя очень крѣпко. Какъ и всегда въ такое время, они особой жестокости не проявляли, разстрѣловъ почти не было, а занимались они, главнымъ образомъ, тѣмъ, что выматывали у населенія душу своими приказами. Первый знаменитый приказъ былъ о выселеніи буржуевъ изъ ихъ квартиръ въ лачуги и о вселеніи туда бѣдности. Последняя отнеслась къ этому очень недовѣрчиво, и мнѣ лично кажется, что вселить бѣдноту и выселить буржуазію было одинаково трудно. Буржуевъ вообще не нашлось. Всѣ жители города Кіева оказались честными труженникамъ въ дѣлѣ насажденія и укрѣпленія Совѣтской власти, всѣ были снабжены бумагами, ни къ кому не придерешься!

Я пропускаю весь этотъ періодъ, какъ не представляющій особаго интереса для читателей, потому что такіе большевистскіе приказы знаютъ, въ сущности, всѣ, а мнѣ хочется остановиться на одномъ эпизодѣ, который рисуетъ довольно ярко способы борьбы съ буржуазіей, практиковавшіеся въ Совдепн.

Это было позже, лѣтомъ 1919 года, когда началось наступленіе добровольцевъ. Непосредственной угрозы Кіеву еще не было, но Совѣтская власть насторожилась и рѣшила взяться, какъ слѣдуетъ быть, за борьбу съ контрреволюціей.

Однажды вечеромъ нашъ богдыханъ явился домой въ особенномъ возбужденіи. Понять что-нибудь изъ его рѣчи было довольно трудно, но послѣ долгаго и терпѣливаго усилія, мы выяснили, что число представителей иностранныхъ государствъ въ Кіевѣ увеличилось. Приѣхалъ назначенный туда консулъ Бразиліи графъ Пирро, и черезъ нѣсколько дней мы устраиваемъ банкетъ въ его честь. Будутъ всѣ представители Европы и Азіи, а такъ какъ я хорошо знаю англійскій языкъ, то занимать его сіятельство, посла Бразиліи, буду я.

Мои знакомые, которымъ я рассказала о высокой чести, выпадающей мнѣ на долю, стали относиться ко мнѣ съ особымъ почтеньемъ. Нѣкоторые просили доставить имъ мѣста въ новомъ консульствѣ, которое должно было только организовать и будетъ нуждаться въ служащихъ. Особенно приставалъ ко мнѣ одинъ мой пріятель, недавно только спдѣвшій въ Ч. К. за то, что имѣлъ сахарный заводъ, и больше тамъ сидѣть не хотѣвшій. У него были, правда, доказательства, что онъ вовсе не сахарозаводчикъ, а скромный ученикъ драматической студіи, но ему хотѣлось чего-нибудь повѣрище: артистамъ большевики перестали довѣрять, что-то ужъ очень много ихъ оказалось.

Я обѣщала, что если Его Бразильское Сіятельство вообще снизойдетъ до разговора со мной, то я попрошу о мѣстѣ для него. Словомъ, ждали мы съ большимъ нетерпѣніемъ и вотъ, наконецъ, наступилъ торжественный день.

Съ утра мы всѣ были въ приподнятомъ настроеніи. На банкетѣ въ честь пословъ мы никогда не бывали, а при большевикахъ всякое развлеченіе особенная рѣдкость. Приѣхалъ именитый гость съ большимъ опозданіемъ. На террасѣ въ саду собрались уже представители всѣхъ державъ и всячески выражали свое удивленіе по этому поводу. Нашъ консулъ, имѣвшій особенно комическій видъ въ бѣломъ шелковомъ костюмѣ, не нахо-

диль себѣ мѣста. Человѣкъ онъ былъ съ очень большой амбиціей, и еще темного, вѣроятно, предложилъ бы мнѣ, какъ корреспонденткѣ, писать приказъ о мобилизаціи въ Китаѣ. Наконецъ, въ припадкѣ негодованія, онъ совсѣмъ ушелъ изъ дому. Гости тоже собирались расходиться, какъ вдругъ появился графъ Пирро.

Я привѣтствовала его на англійскомъ языкѣ, но онъ прервалъ меня, сказавъ, что хорошо понимаетъ по-русски и не хочетъ утруждать меня разговоромъ на чужомъ языкѣ. Разыскался и представитель Небесной Имперіи, и мы всѣ пошли къ столу.

Какъ я уже сказала, занимать высокаго гостя выпало на мою долю; всякій легко пойметъ, что приступила я къ этому не безъ нѣкоторой робости. Я считала поваго консула человѣкомъ очень большевистскаго направленія и высказывать открыто свои мысли побавалась. Кромѣ того, меня нѣсколько смущалъ его странный тонъ и манера держать себя за столомъ. Впрочемъ, неумѣнье обращаться съ ножомъ и вилокъ можно было, пожалуй, отпестить на счетъ его бразильскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ! Почему я знаю? Можетъ быть, въ Бразиліи принято ѣсть варенье ножомъ.

Разговоръ между нами, разумѣется, начался съ того, гдѣ лучше — въ Бразиліи или Россіи, и хорошо ли въ Бразиліи вообще. Графъ отвѣчалъ съ большой готовностью и сейчасъ же далъ мнѣ понять, что раньше ему въ Россіи очень нравилось, а теперь, увы, уже не то. Этой темы я развивать не хотѣла и перешла къ тому, какъ хорошо онъ говоритъ по-русски. Это даже не было лестью съ моей стороны. Я помню, какъ искренно удивилась, когда на предложеніе китайца налить ему вино, графъ добродушно отвѣчалъ: «валяйте, валяйте, голубчикъ». Въ отвѣтъ на высказанное мною удивленіе, графъ объяснилъ, что жилъ въ Россіи очень долго, и потому привыкъ къ нѣкоторымъ чисто русскимъ оборотамъ рѣчи, но зато есть слова, представляющія для него непреоборимыя затрудненія.

«Какія же напримѣръ?» полюбопытствовала я, ожидая услышать что-нибудь очень сложное.

«Да вотъ, хотя бы: вилка. Никакъ сказать не могу».

Вилка! Такое легкое слово, казалось бы! Но у графа, дѣйствительно, получалось «филька». Это было тѣмъ болѣе странно, что все остальное онъ произносилъ съ даже непривычной для моего Кіевскаго уха чистотой рѣчи. Но всѣ эти мелочи я вспомнила только потомъ. Графъ пилъ очень много и былъ очень веселъ. Воспользовавшись этимъ, я рѣшила исполнить давнее мной обѣщаніе и освѣдомилась, есть ли въ Бразильскомъ консульствѣ свободныя вакансіи.

«Никого у меня еще нѣтъ», оживленно сказалъ графъ. Вотъ не посоветуете ли вы кого-нибудь? Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!»

Такой удачи я никакъ не ожидала и, разумѣется, отвѣтила, что если графъ согласенъ положиться на мою рекомендацію, то я могу предложить ему опытнаго секретаря.

«Непремѣнно, непремѣнно! Да вотъ, еще корреспондентка намъ нужна. Не хотите ли вы взять это мѣсто?»

«Нѣтъ, не могу, я вѣдь уже состою на службѣ въ Китайскомъ консульствѣ».

«Ахъ, да, правда! Въ такомъ случаѣ посоветуйте мнѣ кого-нибудь, только, тутъ графъ нагнулся ближе ко мнѣ и, продолжая въ конфиденціальномъ

топѣ, — только не большевиковъ. Вамъ я могу сказать по секрету, — я ихъ ненавижу!»

«Во всякомъ случаѣ, не больше моего, радостно отозвалась я. — Можете быть совершенно спокойны, я вамъ дамъ буржуевъ чистѣйшей воды».

«Ну да, буржуевъ, и вообще контръ-революціонеровъ. Вѣдь у меня они все будутъ въ полной безопасности».

Я была въ восторгѣ отъ моего новаго знакомаго. Мы условились, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра новый секретарь будетъ уже на службѣ, и заговорили о другомъ. Подъ вліяніемъ моей благодарности графу, я рѣшила даже закрыть глаза на то, что, какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, онъ когда-то съѣлъ на пари сразу шесть гусей.

«Мало ли что можно соврать подъ вліяніемъ вина, думала я, — а все-таки онъ хорошій человѣкъ, и у него можно будетъ многихъ устроить».

Обѣдъ подходилъ къ концу, графъ пилъ и веселился все больше и больше.

Наконецъ встали.

«Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, не отойдите ли вы со мной въ сторону», съ этими словами обратился ко мнѣ мой второй сосѣдъ за столомъ, пожилой человѣкъ, служащій одного изъ консульствъ, нынѣ трагически погибшій.

«Вы такъ были поглощены графомъ Пирро, что меня совсѣмъ не замѣтили, — улыбаясь, сказалъ онъ, а между тѣмъ я хочу вамъ дать хорошій совѣтъ. Не поступайте къ нему на службу. Объ этомъ, кажется, у васъ рѣчь шла?»

«Я и не собиралась, — удивленно отвѣчала я, поступаешь одинъ мой знакомый».

«Ну, вотъ видите! Такъ знаете что? Послушайтесь стараго человѣка и не посылайте къ нему вашего знакомаго».

«Да отчего же?»

«Это все равно, отчего. Не спрашивайте меня ни о чемъ, я вамъ все равно не отвѣчу. А дальше поступайте, какъ хотите. Я свой долгъ исполнилъ».

Я призадумалась. Очень ужъ соблазнительно было это мѣсто для моего балансировавшаго надъ Ч. К. знакомаго, но и въ тонѣ моего новаго собесѣдника звучало что-то внушавшее довѣріе къ нему. Я рѣшила никого на службу въ Бразильское Консульство не опредѣлять и обѣщала ни передъ кѣмъ не упоминать о данномъ мнѣ совѣтѣ.

Прошло нѣсколько дней; и вдругъ, на всѣхъ улицахъ города Кіева появилось расклеенное объявленіе о томъ, что графъ Пирро снабженъ особыми полномочіями и что все служащіе Бразильскаго Консульства находятся подъ особымъ цокровительствомъ Совѣтской Республики.

Меня чуть камнями не забросали. Какъ! я знакома съ графомъ Пирро и не могла никому ни въ чемъ помочь, никого къ нему опредѣлить!

«Да вы просто не хотѣли», говорили мнѣ. «Сказали бы лучше прямо, что оставляете эту протекцію на всякій случай для себя. Такъ не поступаютъ».

Приходилось, скрѣпя сердце, отмалчиваться. Я, впрочемъ, и сама не была убѣждена въ томъ, что поступила правильно, не использовавъ ни для кого всѣхъ имѣвшихся у меня возможностей.

Между тѣмъ, дѣла большевиковъ стали хуже. Добровольцы наступали, и въ связи съ этимъ терроръ усилился. Хожденіе по улицамъ было разрѣшено только до одиннадцати часовъ вечера. Однажды ко мнѣ пришла моя знакомая. Арестовали ея брата, ему угрожало быть разстрѣляннымъ, или, въ лучшемъ случаѣ, увезеннымъ заложникомъ въ Москву, и она просила меня поговорить съ всемогущимъ бразильскимъ графомъ. Я не могла и не хотѣла ей отказать и позвонила ему по телефону, — просить объ аудіенціи. Онъ подошелъ самъ, я тотчасъ же узнала его голосъ.

«Графа нѣтъ дома», сказалъ онъ мнѣ.

«А когда онъ придетъ?»

«Не знаю, придетъ ли сегодня вообще, а кто говоритъ?»

Я назвала себя.

«Ахъ, такъ, ну что же, приходите».

«Да вѣдь его дома нѣтъ?»

«А вы придите въ одиннадцать часовъ, тогда застанете», смѣясь, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я повѣсила трубку и извинилась передъ моей знакомой въ томъ, что ничего не могу сдѣлать.

Съ графомъ Пирро мнѣ лично больше сталкиваться не приходилось, а что произошло дальше, я думаю, для читателей ясно вполне. Въ Бразильское Консульство дѣйствительно поступило много людей, считавшихъ себя, въ виду усилившагося террора, въ особенной опасности. Графъ Пирро всѣхъ принялъ съ распростертыми объятіями, и всѣ они были въ свое время арестованы и, по большей части, разстрѣляны. Въ числѣ прочихъ погибла г-жа Поплавская, совсѣмъ еще молодая женщина, служившая у него, кажется, секретаремъ. Графъ Пирро, зная, что у нея мужъ во Франціи, предложилъ ей туда поѣхать, возможность ее туда послать у него была, а такъ какъ онъ выдавалъ себя за яростнаго врага большевизма, то предложилъ ей взять съ собой какой-то будто бы необходимый тамъ шифръ. Они вмѣстѣ выбрали ея дорожное платье, вмѣстѣ этотъ шифръ туда и зашили. Всѣ эти подробности мнѣ рассказывалъ теперь въ Варшавѣ одинъ изъ товарищей Поплавскаго по консульству, впоследствии сидѣвшій съ ней въ одной камерѣ и освобожденный по спеціальному приказанію Раковскаго.

Выходя изъ дому на вокзалъ, Поплавская почувствовала себя плохо и, зайдя въ ближайшій подъѣздъ, гдѣ былъ телефонъ, вызвала графа. Она просила его разрѣшить ей отложить отъѣздъ, такъ какъ у нея плохое предчувствіе. «Всѣ женщины таковы», отвѣчалъ ей Пирро, «сначала усиленно добиваются чего-нибудь, а потомъ, когда приходитъ исполненіе — пугаются». Затѣмъ онъ спросилъ ее, откуда она говоритъ, и задержавъ ее немного разговорами у телефона, въ концѣ концовъ, все-таки посоветовалъ ѣхать, такъ какъ другой такой возможности можетъ и не быть.

Не успѣла Поплавская отойти отъ телефона, какъ была арестована и отправлена въ Ч. К.

На допросѣ, сознавая отлично, что этимъ себя губить, она назвала Пирро провокаторомъ, а допрашивавшихъ ее негодьями.

На разстрѣлъ она пошла, какъ на праздникъ, говорилъ мнѣ ея товарищъ.

Эта исторія и происшедшіе въ связи съ ней аресты надѣлали много шума въ Кіевѣ. Дѣло получило большую огласку и большевики спохва-

тились, что такого способа борьбы съ контръ-революціей въ программѣ ихъ партіи нѣтъ. Въ газетѣ появились сообщенія о какой-то организаціи, выдававшей себя за бразильское консульство и поставившей себѣ цѣлью сверженіе совѣтской власти. Во главѣ стоялъ пѣкто, называвшій себя графомъ Пирро и разстрѣлянный будто бы въ первую очередь. Я лично слышала потомъ отъ нѣкоторыхъ большевиковъ, что онъ передъ приходомъ денкинскихъ войскъ бѣжалъ въ Москву на автомобилѣ Петерса, бывшаго председателя московской Ч. К., пріѣзжавшаго тогда въ Кіевъ для наведенія революціоннаго порядка. Кто былъ Пирро, въ точности установить не удалось. Одни считали его маленькимъ агентомъ Кіевской чрезвычайки. Другіе — ихъ было много, думали, что это былъ самъ Петерсъ.

Разсказанное мной случилось давно, два года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ произошло очень много событій. Изъ Совѣтской Россіи утекло много крови и воды. Мнѣ хочется теперь, когда я здѣсь, когда я могу болѣе или менѣе спокойно, вспомнить о перенесенномъ тамъ, подѣлиться съ читателями еще кое-какими воспоминаніями. Пусть простятъ мнѣ нѣсколько безсвязную форму: все это было слишкомъ сильно пережито.

II

Добровольцы

Канонада, канонада всякій день, всякій часъ! Отъ нея нельзя никуда скрыться, о ней нигдѣ нельзя забыть! Что бы мы ни дѣлали, о чемъ бы ни говорили, она сопутствуетъ каждому нашему поступку, каждому нами сказанному слову.

Съ тѣхъ поръ, какъ добровольцы заняли Кіевъ, мы не имѣли ни минуты покоя. Я помню хорошо тотъ день, когда они вошли въ городъ, и, особенно, ту ночь, которая этому предшествовала. Тогда тоже гремѣли орудія, но подъ ихъ грохотъ звенѣли стаканы, и, собравшись всѣ вмѣстѣ, мы шли за тѣхъ, кого считали своими избавителями.

Утромъ все стихло, на улицахъ было пусто, изрѣдка пробѣжитъ, догоняя свою часть, какой-нибудь запоздавшій солдатъ-большевикъ. Съ испуганнымъ, злымъ выраженіемъ онъ озирается вокругъ, онъ чувствуетъ, что всѣ, даже вчерашніе друзья, стали ему врагами. Бываютъ случаи, что его тутъ же убиваютъ.

Добровольцы стали входить въ городъ часамъ къ 11 утра. Я вышла на Крещатикъ немного позже, улицы были запружены радостнымъ, праздничнымъ народомъ. Войска проходили разукрашенныя двѣтами, офицеры изрѣдка говорили рѣчи, благодарили за то сочувствіе, съ которымъ ихъ встрѣчаютъ, скромно просили прощенья въ томъ, что такъ долго заставляли себя ждать.

Августовское солнце казалось весеннимъ и еще прибавляло красоты и веселья.

Общій энтузіазмъ захватилъ и меня, я тоже купила цвѣты и стала въ сторонѣ, не рѣшаясь подать ихъ. Но вотъ проходитъ какая-то часть.

Цвѣтовъ у нихъ нѣтъ, ихъ ведетъ человекъ въ штатскомъ платьѣ, съ винтовкой черезъ плечо. Толпа стоитъ и смотритъ на нихъ. Я рѣшаюсь, подхожу къ идущему впереди и протягиваю ему свои цвѣты. Онъ съ изумленьемъ и благодарностью смотритъ на нихъ, потомъ беретъ ихъ, снимаетъ шляпу и цѣлуетъ мнѣ руку. Взволнованная, я отхожу въ сторону.

«Вы знаете, кому дали цвѣты?» спрашиваетъ меня какой-то господинъ на тротуарѣ.

«Не все ли равно кому? Добровольцамъ».

«Это раскаявшаяся большевистская часть, перешедшая на сторону добровольцевъ».

«Ну такъ что же! Я не жалѣю о томъ, что сдѣлала по невѣдѣнію. Если они чистосердечно отказались отъ своего прошлаго, въ которое, можетъ быть, были вовлечены, то мои цвѣты у нихъ вполнѣ на мѣстѣ».

Я иду дальше, картина все та же, всюду царитъ радость, знакомые при встрѣчѣ поздравляютъ другъ друга, цѣлуются; нѣкоторые, говорятъ, даже христосуются. Но уже есть тѣнь на картинѣ, уже ползетъ откуда-то и раздается все громче и громче грозное для жителей города и гибельное для добровольцевъ слово «жидъ».

Двемъ я выхожу на Печерскъ; тамъ будутъ, будто бы, встрѣчать самого Деникина. Манifestаціи проходятъ одна за другой; вотъ впереди одной идетъ дама, въ рукахъ она держитъ національный флагъ. Большая, плоская, некрасивая, она кричитъ на всю улицу: «Господа, кто за Деникина, идите за мной. Петлюра его не впускаетъ въ городъ, въ нашъ городъ! Господа, идите за мной, этого нельзя допустить!»

Машинально я вмѣшиваюсь въ толпу. Идемъ по направленію къ Лаврѣ. Неужели Петлюра, дѣйствительно, не впускаетъ Деникина? И, если это правда, то какъ же мы, съ этой дамой во главѣ, можемъ ему помѣшать?

А въ толпѣ уже одинъ только разговоръ, одна общая для всѣхъ тема: «жидъ». Ненависть къ нимъ объединила всѣхъ, и какая ненависть: «жиды, жидовка, комиссаръ, комиссарши». «Бить, рѣзать, грабить». Нѣкоторые, болѣе мягкіе, вспоминаютъ варшавскій бойкотъ. Но всѣ, безъ исключенія, отождествляютъ евреевъ съ большевиками, и всѣ, безъ исключенія, требуютъ для нихъ наказанія.

У дворца мы останавливаемся. Оттуда выходитъ духовенство, поютъ «вѣчную память». Всѣ снимаютъ шапки, женщины доходятъ до истерики, военные салютуютъ. И никто не хочетъ понять, что нельзя манифестировать у Царскаго дворца, когда по ту сторону Днѣпра стоятъ еще большевики.

Съ приходомъ Деникинскихъ войскъ я перешла изъ Китайскаго Исполкома въ нашъ домъ, тоже по Левашевской улицѣ, и была твердо убѣждена, что съ китайской службой уже навсегда покончила.

На другой день я пошла туда за нѣкоторыми забытыми вещами. У самаго исполкома свалка, окружили кого-то, одѣтаго въ грузинскую форму, и бьютъ его. За него хватается и старается защитить своимъ тѣломъ женщина; бьютъ и ее. «Что такое, въ чемъ дѣло?» спрашиваю. «Чекиста поймали», радостно гогочетъ толпа. «Да почему же они знаютъ, что это чекистъ?» «Ну какъ же, того вся улица знала, тоже напаху носилъ».

Два офицера пытаются отстоять его; говорятъ, что чекистовъ надо арестовывать, а не избивать на улицѣ. Ихъ не слушаютъ, еще немного будутъ бить и ихъ.

Толпа стремится куда-то, увлекая за собой своихъ жертвъ. На мостовой остаются слѣды крови. Я слышала потомъ, что ихъ растерзали обоихъ и что избили заступавшихся за нихъ офицеровъ. Думаю, впрочемъ, что послѣднее неправда. — Первое время по приходѣ добровольцевъ, настроеніе въ Кіевѣ было очень тяжелое. Особенно плохо приходилось живущимъ въ Липкахъ. На Садовую улицу, гдѣ были Ч. К., совершались настоящія паломничества, и сопровождались они всегда избіеніями евреевъ и чекистовъ. Послѣдніе, разумѣется, наблюдали все это съ другой стороны Днѣпра, а страдали невинные: пользуясь общимъ озлобленіемъ, люди сводили между собой свои счеты и мстили другъ другу.

Однажды, неподалеку отъ Ч. К., я встрѣтила г-на Н., богатаго помѣщика, постоянно жившаго въ Кіевѣ. Прежде я его мало знала, но при большевикахъ онъ какъ-то обращался ко мнѣ, прося сохранить въ Исполкомѣ его картины. Я это сдѣлала, и съ тѣхъ поръ мы ближе познакомились. Теперь онъ стоялъ на углу Левашевской и Институтской, съ нимъ нѣсколько мужиковъ. «Всѣхъ перерѣзать надо, — говорилъ Н. Сколько они христіанской крови пролили, сколько надъ нами издѣвались».

«Да что, баринъ! Слышно, уже на Слободкѣ убили 70 человѣкъ».

«Что 70, мало! Всѣхъ надо истребить! Довольно они надъ нами царствовали».

Я остановилась послушать. Увидя меня, Н. отвернулся. Я не хочу долго описывать именно это настроеніе. Все это уже достаточно часто ставилось въ вину добровольцамъ, и я думаю, что они сами впоследствии поняли, какую ошибку совершили, поддерживая и даже отчасти раздувая ненависть къ евреямъ среди кіевлянъ. Мнѣ хочется рассказать теперь о томъ, какъ мы пережили тяжелые дни 1—5 октября, о которыхъ здѣсь, Европа, вѣроятно, даже не узнала.

Послѣ того, какъ утомилась немного Кіевская черная сотня, мы стали жить въ городѣ, подъ защитой добровольческихъ властей болѣе или менѣе спокойно. Былъ одинъ случай, правда, что большевистская флотилія подошла по Днѣпру совсѣмъ близко къ Кіеву и даже обстрѣляла его, но намъ это объяснили случайнымъ недосмотромъ берегового дозора, и это скоро было забыто, тѣмъ болѣе, что человѣческихъ жертвъ за собой почти не повлекло. Канонада нѣсколько ослабѣла, да и мы къ ней привыкли постепенно и нашли ей объясненіе: «Да какъ вы то себя представляли, говорили мы другъ другу, — какъ только Кіевъ будетъ занятъ, большевики сложатъ оружіе и война прекратится? Ясно, что разъ продолжаются военныя дѣйствія, то и канонада иногда бываетъ слышна. Надо помнить, что Кіевъ это линія фронта».

Перваго октября рано утромъ я проснулась отъ особенно близкихъ разрывовъ. Я не придавала этому значенія, мысленно повторила сама себѣ всѣ только-что приведенныя объясненія и собралась заснуть дальше. Въ тотъ день какъ разъ мнѣ поставили въ комнату керосиновую печку, и я радовалась непривычному въ Кіевѣ теплу.

Однако грохотъ поневолѣ дѣйствовалъ на нервы. Я встала, одѣлась. Всѣ домочадцы уже собрались въ залъ, выглядѣвшей особенно рзоренно и неуютно послѣ того, какъ въ ней очень долго квартировали большевистскія части.

«Что случилось, въ чемъ дѣло?» спрашиваемъ другъ друга. Никто ничего не знаетъ; говорятъ, какая-то банда подошла близко къ городу и обстрѣливаютъ ее изъ Кіева. «Да вѣдь стрѣляютъ не только отсюда, бьютъ и разрывы», говоритъ другой. Надо вспомнить, что и тогда уже, и особенно теперь, не было ни одного кievлянина, не сумѣвшаго бы отличить выстрѣлъ отъ разрыва и даже тотъ сортъ орудія, изъ котораго стрѣляютъ.

«Ну такъ что же? ясно, что банда отвѣчаетъ. Вѣдь теперь у всякаго мужика есть своя пушка».

Смотримъ въ окна. На улицахъ много народу, стоятъ, собравшись въ кучку, воспитанницы Института съ узелками въ рукахъ. Я выхожу изъ дому и спрашиваю ихъ, что онѣ здѣсь дѣлаютъ.

«Насъ распустили домой», говорятъ онѣ. «Отчего?» «Не знаемъ отчего; кажется, большевики въ городѣ, и мы не знаемъ, куда намъ идти».

Мой братъ, какъ разъ въ то время, купилъ квартиру въ Пассаждѣ и жилъ тамъ, отдѣльно отъ матери и меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ является и накидывается на насъ: «Вы еще здѣсь, забирайте скорѣе цѣнности и ѣдемъ ко мнѣ». «Да что же такое, наконецъ, случилось?» «Никто не знаетъ, что именно, кто-то наступаетъ на городъ; неизвѣстно, банда ли, или правильныя большевистскія части, и добровольцы уходятъ въ Дарницю».

Начинается поспѣшное складываніе вещей, братъ торопитъ насъ: слово банда всѣхъ особенно пугаетъ; ясно, что первымъ долгомъ, какъ и всегда, пострададутъ Липки, гдѣ мы имѣемъ несчастье жить. Наконецъ, собрались и переходимъ въ Пассаждѣ. Тамъ начинаются обычныя въ такихъ случаяхъ обсужденія, какая комната изъ имѣющихся на лицо наиболѣе безопасная. Раздумываютъ надъ тѣмъ, съ какой изъ четырехъ сторонъ свѣта идетъ наступленіе, затѣмъ чуть ли не съ компасомъ въ рукѣ эта сторона разыскивается. Теперь мы уже знаемъ, куда ядро попасть логически не должно. что отнюдь не мѣшаетъ ему иногда именно тамъ и разорваться. Нѣкоторые кievляне имѣли еще обыкновеніе заставлятъ окна матрацами, но мы до этого не доходили.

Мы усаживаемся всѣ вмѣстѣ въ облюбованномъ нами помѣщеніи; идутъ обычные разговоры, высказываются догадки о томъ, кто это пытается взять городъ; высчитывается количество воды и то, на сколько времени ея можетъ хватить. Жилецъ моего брата заходитъ къ намъ и предлагаетъ изобрѣтенный имъ способъ утоленія жажды, — сосать морковь. Я съ негодованіемъ отвергаю, лучше я сама пойду за водой на Днѣпръ. «Все это одни разговоры, — философски говоритъ жилецъ. Никуда вы не пойдете, а сами придете ко мнѣ за морковью».

Ночь проходитъ въ пріятномъ невѣдѣніи того, кто на насъ наступаетъ, и что, въ сущности, въ городѣ происходитъ. Канонада стихла, только изрѣдка раздается звукъ пулемета. Утромъ, часовъ въ 10, я не выдерживаю и выхожу изъ Пассажа на Меринговскую. «Вы куда?» спрашиваетъ меня прохаживающійся взадъ и впередъ около дома добровольческой офицеръ, въ походной формѣ, съ винтовкой въ рукахъ. «Къ себѣ домой, на Левашевскую». «Лучше не ходите, не спокойно». «Развѣ тамъ большевики?» «Нѣтъ, большевиковъ мы отогнали, но слышите стрѣльбу? Все-таки лучше не выходите». Дѣйствительно, пулеметъ раздается отовсюду. Я все-таки иду, слишкомъ ужъ тяжело взаперти. Прихожу домой, и узнаю отъ знакомыхъ, что

вчера приходили большевики, съѣли нашъ обѣдъ. велѣли открыть наши шкафы, посмотрѣли, что въ нихъ, но ничего не взяли, сказали, что идутъ за возомъ, еще вернутся. Шкафы запирали запретили, видимо надѣются поживиться, какъ слѣдуетъ быть. «Какіе большевики? — удивляюсь я, — вѣдь сейчасъ въ городѣ добровольцы!» «Не знаю, только вчера были большевики».

Въ совершенномъ недоумѣніи я ухожу въ Пассаждъ. Тамъ уже тоже кое-кто отважился выйти на улицу; рассказываютъ, что большевики, воспользовавшись веселымъ настроеніемъ выпившаго подъ праздникъ добровольческаго караула, ворвались вчера въ городъ, и добровольцы, застигнутые врасплохъ, должны были отступить въ Дарницю, но теперь вернулись и отбили Кіевъ. Къ вечеру начинаетъ лить дождь, и предсѣдатель домового комитета въ Пассаждѣ проситъ жильцовъ пріютить у себя, — кто сколько можетъ, — стоявшихъ во дворѣ добровольческихъ солдатъ и накормить ихъ. Всѣ, конечно, соглашаются съ восторгомъ. Къ намъ приходятъ двое; мы ихъ усаживаемъ, просимъ пить съ нами чай и раздѣлить нашъ скудный ужинъ. Солдаты благодарятъ, и за столомъ начинается общій разговоръ, сначала о томъ, изъ какихъ они губерній, долго ли на службѣ, а потомъ о большевикахъ. Солдаты ихъ ненавидятъ отъ всей души, и мы, съ радостью, удостоверяемся, что признаковъ разложенія въ добрарміи нѣтъ. Спрашиваемъ, хорошо ли большевики дерутся. Тема оказывается выбрапа неудачно: «Да что, — говоритъ одинъ, — эти срулики только удирать умѣютъ, развѣ это войска. Только что много ихъ, оттого мы и отступили. Да и наши хороши: перепились и не замѣтили, что большевики у самага носа».

Разговоръ обрывается; послѣ нѣкотораго времени другой солдатъ, чело-вѣкъ, повидимому, свѣтскій, котораго молчаніе тяготитъ, говоритъ, задумчиво глядя въ окно: «Ишь, дождь какой! Вотъ теперь бы на Подолѣ забраться жидовъ рѣзать. Самая подходящая погода».

Мы наши гости окончательно перестаютъ правиться, брату тоже, и, поднявшись съ мѣста, онъ предлагаетъ имъ пойти отдохнуть. Солдаты, видимо, соображаютъ, что тутъ что-то не ладно, и одинъ изъ нихъ, вызвавъ жильца брата на кухню, спрашиваетъ его, не еврей ли мы.

«Вотъ тамъ не хорошо вышло, — говоритъ онъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, — люди насъ пріютили, обогрѣли, а мы ихъ такъ поблагодарили! Скажите имъ, что мы этого не думали, что это только разговоръ нашъ солдатскій такой».

Квартирантъ нашъ все передаетъ дословно; это насъ примиряетъ нѣсколько съ нашими гостями, и прощаемся мы съ ними дружелюбно. Они, сконфуженные, особенно задушевно благодарятъ насъ за гостепрѣмство. Богъ съ ними, можетъ быть, это, въ самомъ дѣлѣ, только слова.

На другой день, на утро Кіевъ принимаетъ болѣе или менѣе обычный видъ. На улицѣ масса войскъ, вызванныхъ изъ-подъ Воронежа. Праздничное настроеніе нарушается только массой арестованныхъ, которыхъ вводятъ подъ конвоемъ по улицамъ. Мы знаемъ хорошо, что ихъ ожидаетъ, знаемъ также, что не всѣ они виноваты. Боже мой, когда же въ Россіи перестанетъ литься кровь, бѣлая, красная — всякая! И какъ много пролилось ея въ послѣдующіе дни, тѣ дни, когда выла Кіевская улица, когда банды солдатъ, переходя изъ дома въ домъ, на глазахъ у начальства грабили, насиловали, убивали! Эти дни Шульгинъ называлъ пыткой страха для евреевъ. Я не стану входить

здѣсь въ оцѣнку такого опредѣленія; о немъ въ свое время уже достаточно было говорено; скажу только, что однимъ страхомъ пытка не ограничивалась.

Вскорѣ послѣ этого мы съ матерью перешли изъ Пассажа въ нашъ домъ и жили тамъ довольно одиноко, съ двумя старыми слугами. Поэтому я была даже довольна, когда однажды утромъ пришелъ офицеръ съ реквизиціонной карточкой на четыре комнаты для команды телефонистовъ, чловѣкъ въ 15. Офицеръ этотъ съ университетскимъ значкомъ на груди и Георгіемъ въ петлицѣ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Впоследствии, до самаго послѣдняго дня паденія Кіева, у насъ жили добровольцы. Я знаю, что, вообще говоря, ихъ принято бранить, и я сама выше говорила о нихъ достаточно много дурного. Тѣмъ большею радостью будетъ для меня указать, что тѣ изъ нихъ, которые жили у насъ, а ихъ было много, оставили по себѣ самое лучшее воспоминаніе. Это были по большей части кадровые офицеры, люди, продѣлавшіе весь германскій походъ, и я сама была свидѣтельницей того, какъ, во время царящаго тогда общаго разгула, жившіе у насъ въ залѣ полковники сами стирали и сушили у каміна свое бѣлье, обѣдали изъ солдатскаго котла и ужинали суррогатами кофе съ чернымъ хлѣбомъ. — Послѣдніе шесть недѣль отъ 5-го октября до взятія Кіева большевиками были для меня, и, кажется, для очень многихъ, самымъ тяжелымъ временемъ, за всю революцію. Мы безнадежно цѣплялись за добровольческую армію, сознавая, что цѣпляемся за пустое мѣсто, что спасти насъ они не могутъ, что они еще вѣрнѣе обречены на гибель, чѣмъ мы.

Канонада гремѣла, свѣта, воды и дровъ не было, и при стеариновыхъ огаркахъ собирались мы вмѣстѣ, баюкая себя надеждами и, въ то же время, высчитывая, сколько времени пройдетъ до тѣхъ поръ, когда большевики фатально должны будутъ войти. Я вспоминаю также послѣднюю недѣлю, — недѣлю перемѣны власти, вспоминаю факелами горящіе большіе дома, вспоминаю разставленные по улицамъ пулеметы и раненыхъ офицеровъ, и солдатъ, которыхъ въ послѣдніе минуты, подъ свистъ большевистскихъ пуль уносили на вокзалъ.

Мнѣ вспоминается также, какъ въ первый день взятія города большевиками я шла изъ Пассажа домой съ подругой. По улицамъ проходили войска, оборванные, голодные и все же грозные. Мы остановились смотрѣть на нихъ, и вотъ одинъ изъ нихъ выдѣлился изъ общей массы, пьяный, шатаясь подошелъ ко мнѣ и схватилъ меня за руку: «Гдѣ ваши цвѣты?» спросилъ онъ. Я смотрѣла на него, ничего не понимая. «Цвѣты ваши гдѣ?» повторилъ онъ. «Добровольцамъ, небось, подносили, а намъ не хотите?» Я вырвала руку и пошла прочь отъ него. «Вотъ изъ-за этихъ каракулей нѣту жптъя сѣрымъ шинелямъ!» крикнулъ мнѣ вдогонку другой, хотя я была въ простомъ суконномъ пальто.

Два дня еще послѣ взятія города большевиками продолжалась артиллерійская стрѣльба. Одни говорили, что это добровольческій поѣздъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, отстрѣливается, и что весь составъ этого поѣзда впоследствии погибъ. Другіе объясняли это наступленіемъ на большевиковъ частей генерала Шиллинга, шедшаго будто бы изъ Одессы на соединеніе; и не слушая этихъ слуховъ, ни во что больше не вѣря, ни на что не надѣясь, мы бродили среди догоравшихъ домовъ въ тщетныхъ поискахъ хлѣба, мѣста и дровъ.

Отъ поляковъ до большевиковъ

«Да вставай же ты, ради Бога, скорѣе, поляки уходятъ».

Съ этими словами ворвалась ко мнѣ въ комнату Марья Семеновна, бывшая няня моей двоюродной сестры, носившая въ свое время на рукахъ и меня, теперь служившая домоправительницей въ Китайскомъ Исполнительномъ Комитетѣ.

«Куда они уходятъ?» — полюбопытствовала я, со сна еще плохо понимая, что мнѣ говорятъ.

«Да, что ты, Богъ съ тобой, сдурѣла, что ли? Куда уходятъ! А кто ихъ знаетъ — куда, въ Польшу навѣрное, чтобъ имъ на томъ свѣту на мосту провалиться».

«Смотри, смотри, вонъ уже автомобили ѣдутъ!»

Я привыкла къ такимъ сенсаціямъ, приносимымъ, обыкновенно, Марьей Семеновной съ базара, поэтому извѣстіе на меня особаго впечатлѣнія не произвело. Однако, я встала и подошла къ окну.

Наша Левашевская улица, дѣйствительно, имѣла не совсѣмъ обычный видъ. Часто проѣзжали грузовики, сновали взадъ и впередъ автомобили, проходили съ озабоченнымъ видомъ польскіе офицеры.

Наша парадная дверь была открыта настежь. Пусть читатель не удивляется; со времени прихода поляковъ, у насъ въ Китайскомъ Исполкомѣ, поселился съ женой польскій главнокомандующій Смильгъ-Рыдзь.

«А вѣдь, знаете, Марья Семеновна, дѣйствительно, похоже на то, что уходятъ! А что нашъ генераль дѣлаеть?»

«Да ужъ съ 6 утра въ штабъ поѣхалъ, весь домъ на ногахъ, это я только тебя будить пожалѣла. А генеральша тамъ чего-то съ деньщиками ссорится!»

«Ну, если ссорится, значить, все въ порядкѣ».

«Тебѣ все смѣхъ, подожди, вотъ придутъ большевики, тогда по-смѣешься!»

«Да вѣдь вы же, Марья Семеновна, сами твердили, что лучше свое плохое, чѣмъ чужое хорошее?»

«Такъ то — я, а ты вѣдь буржуйка, вамъ плохо будетъ!»

«Ничего, Марья Семеновна, мы ихъ не впустимъ, отобьемъ!»

На самомъ дѣлѣ, мнѣ, дѣйствительно, было не до смѣху. Неужели уходятъ? Казалось совершенно немыслимымъ пережить еще одинъ приходъ Совѣтской власти, не хотѣлось даже на одну минуту допустить такую возможность. Тѣмъ болѣе это было ужасно для насъ, что мой братъ за два дня до того уѣхалъ по дѣлу въ Житомиръ, и теперь намъ угрожала возможность быть надолго отрѣзанными отъ него.

Я поспѣшно одѣлась и вышла на улицу, направляясь въ Пассаждъ, гдѣ была квартира моего брата. Виѣшній видъ улицъ, когда я спускалась въ городъ, былъ тотъ же, что и всегда, и я немного успокоилась. Можетъ быть, мнѣ это все казалось, думала я, вѣдь это же немыслимо, чтобы такое побѣдное войско и вдругъ такъ скоро удрало. Вчера еще я говорила съ польскими офицерами, и ничего особенно страшнаго отъ нихъ не

слыхала. Фронтъ былъ по прежнему близко отъ Кіева, по ничего угрожающаго не наблюдалось.

Въ Пассажѣ я нашла мою невѣстку лежащей въ слезахъ на диванѣ; рядомъ съ ней газета.

«Что съ тобой?»

«Да вотъ, почти, былъ налетъ на Житомиръ».

Въ газетѣ, дѣйствительно, сообщалось о томъ, что войска Буденнаго произвели налетъ на Житомиръ, что гдѣ-то произошелъ прорывъ польскаго фронта, но что теперь дѣла поправились и положеніе возстановлено.

Я безуспѣшно пыталась утѣшить невѣстку:

«Пустьки, мало ли что бываетъ, военное счастье переменчиво. Да и чего же ты теперь, заднимъ числомъ, плачешь; вѣдь Житомиръ опять занятъ поляками?»

Когда женщина любитъ, то ея политическія убѣжденія сильно страдаютъ отъ этого:

«Ты пойми, чего я боюсь, — горько плача говорила мнѣ невѣстка, — вѣдь можетъ такъ случиться, что тамъ опять будутъ большевики, а здѣсь останутся поляки, и тогда мы отъ Федя будемъ отрѣзаны».

«Такъ ты чего же хочешь, чтобы и здѣсь были большевики?»

«Да, ужъ, разумѣется, лучше такъ, чѣмъ, чтобы мы были подъ разной властью».

«Ну такъ можешь радоваться, твое желаніе, кажется, будетъ исполнено, и мы всѣ соединимся подъ властью Московскаго совдена. Поляки уходятъ!»

Это моей невѣсткѣ тоже не понравилось, и она продолжала плакать еще горше.

Такъ какъ квартира брата находится въ центрѣ города, то туда обыкновенно сходятся всѣ знакомые. На этотъ разъ пріемъ начался рано, — признакъ переменъ власти. Люди приходили, каждый со своими повостями, утѣшительными или нѣтъ, въ зависимости отъ ихъ темперамента.

Первымъ пришелъ инженеръ Н., человекъ по характеру добрый и веселый. Мы обрадовались, и не безъ основанія. Извѣстія были самыя утѣшительныя.

«Что вы это, Богъ съ вами, Надежда Павловна, плакать вздумали? И не стыдно вамъ? Это вы прочли о налетѣ на Харьковъ? Такъ вѣдь радоваться надо, а не плакать!»

«Радоваться? Почему? Что тутъ такого веселаго?»

«Дѣло не въ весельи, а въ томъ, что теперь поляки за умъ возьмутся, они увидѣли, что все же и съ большевиками считаться надо. Прежде они думали, что это такъ, дрянъ одна, голытьба, а не войско, а теперь уже будутъ осторожны. А, вѣдь, это вы, я надѣюсь, сами понимаете, что большевикамъ съ поляками не справиться. Вы польское войско видали? Видали ихъ конницу татарскую съ полумѣсяцами?»

«Видали. Видали конницу. А вотъ вы-то видали, что сейчасъ на улицѣ дѣлается?»

«Это, что автомобили ѣздятъ? Да, помилуйте, не стыдно вамъ такъ паникѣ поддаваться. Кажется, ужъ достаточно насмотрѣлись, могли бы привыкнуть. Ясно, что разъ всѣ штабы здѣсь, то извѣстіе о налетѣ на

Житомиръ должно было обсуждаться. Въ связи съ этимъ припимаются мѣры, поэтому усиленное движеніе!»

«Ну, что жъ, тѣмъ лучше, значить, по вашему, опасности никакой?»

«Да, конечно же, никакой. Базарные слухи! Вы лучше меня обѣдать пригласите, а то безъ меня опять въ уныніе впадете».

«Непремѣнно, непремѣнно останьтесь».

Сѣли обѣдать. Во время варениковъ съ вишнями снова звонокъ. Пришелъ еще одинъ знакомый.

Вошелъ. Молча пожалъ намъ руки. Молча опустился на стулъ. Аппетитъ у насъ пропалъ сразу.

«Ну что, Петя, что слышно?» робко спрашиваю я.

«Ничего! Что же можетъ быть слышно! Все пропало!»

«Что пропало? Неужели Житомиръ взять обратно большевиками?»

«А вы, какъ думали, что они пришли, понюхали и ушли? Конечно. взять, и Кіевъ эвакуируется самымъ настоящимъ образомъ. Самое позднее послѣзавтра здѣсь будутъ большевики. Это неважно, что мы погибнемъ, тудѣ намъ и дорога; обидно только, что такъ неожиданно все это стряслось!»

«Ты бы въ гости пошелъ куда-нибудь, — совѣтую ему я, — а то сѣлъ здѣсь, какъ грибъ, и только тоску наводишь!»

«Какіе тамъ гости, — отмахивается онъ, — не до гостей теперь. А, если вы не хотите правдѣ въ глаза смотрѣть, то я, конечно, могу уйти».

Моя невѣстка снова горько плачетъ.

«Мнѣ кажется, что вы, Петръ Михайловичъ, слишкомъ мрачно смотрите на вещи, — вмѣшивается Н., — во-первыхъ, Кіевъ еще не эвакуируется, во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что на помощь идетъ изъ Варшавы армія Пилсудскаго, и, наконецъ, если бы поляки и ушли, то не надолго. Ясно, что Антанта не потерпитъ . . .»

«Подите вы съ вашей Антантой», хоромъ пакидываемся на него мы всѣ.

Послѣ этого наступаетъ молчаніе. Бродимъ по квартирѣ, смотримъ въ окна. Изрѣдка обмѣниваемся нетуѣщительными вопросами: «Вы, Надежда Павловна, мукой запаслись?» — «Мукой-то запаслась, да вотъ сахару мало». — «Ничего, я вамъ достану, у меня два пуда, одинъ я вамъ пришло!» — «Цѣлый пудъ? Зачѣмъ мнѣ такъ много?» — «Да берите, мало ли что можетъ случиться, если «они» будутъ обстрѣливать городъ, то ужъ ничего не достанешь!»

Часовъ въ 6 мы выходимъ на улицу. Обманывать себя нечего. Городъ представляетъ картину самой обычной форменной эвакуаціи. Автомобильное движеніе съ утра еще усилилось. Военныхъ масса, и видъ у всѣхъ самый растерянный. У меня такое чувство, что вотъ, кажется, жизнь готова отдать, лишь бы они остались, а въ глубинѣ души не могу не позлорадствовать: «Ага, вошли сюда чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ, всѣхъ побѣдили, а передъ оборваннымъ голоднымъ русскимъ войскомъ, небось, удираете!» Это же чувство написано въ глазахъ у многихъ, но высказать его никто не рѣшается. Слишкомъ ужъ много горя и бѣдствій для всѣхъ несутъ съ собою наши родные войска!

Къ вечеру я возвращаюсь домой, то-есть въ Китайское Консульство. Въ комнатѣ Марьи Семеновны уже собралось обычное общество: она, я, секретаръ и живущая внизу старуха-старьевщица. Та успѣла принести съ Еврейскаго базара самыя свѣжія политическія новости, и мы теперь ихъ будемъ сообща разбирать.

«А что, Любовь Александровна, правда, что поляки уходят?»

«Говорят, что да, — неохотно отвѣчаю я, присаживаясь на постель, — а у васъ на базарѣ, что слышно?»

«Да вотъ, рассказываютъ, не знаю — правда ли, будто Петлюра воззвание выпустилъ къ народу. Не хотѣли, говорить, нѣмцевъ, не хотѣли поляковъ, такъ вотъ же турокъ къ вамъ приведу. Будете всѣ подъ турецкой властью».

«Глупости», говорю я и вспоминаю Антанту, которая, по словамъ Н., вмѣшается и не допустить владычества большевиковъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что если большевики придутъ, то на этотъ разъ, кромѣ какъ на турокъ, которыхъ приведетъ Петлюра, дѣйствительно, рассчитывать не на кого. И самое ужасное то, что, вѣроятно, мы всѣ скоро въ этихъ турокъ увѣруемъ. Вѣдь жить въ безнадежности нельзя.

Дни идутъ, идутъ, какъ всегда передъ приходомъ Совѣтской власти. Въ тупомъ отчаяніи бродятъ люди по городу, запасаясь продуктами и утѣшая себя въ то же время самыми нелѣпыми слухами:

Идетъ на помощь армія Пилсудскаго, заключается союзъ поляковъ съ нѣмцами, наступаютъ откуда-то уже давно несуществующіе добровольцы.

Каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю Марью Семеновну, тутъ ли еще генераль Смильгъ-Рыдзь, и получаю обычно въ отвѣтъ, что тутъ, но дома опять не ночевалъ. Все въ штабѣ. Скверно!

Знакомые польскіе офицеры, прощаясь съ вами, обѣщаютъ скоро вернуться; говорятъ, чтобы мы не отчаивались, что неудачи временныя, что отступаютъ они недалеко и не на долго.

Съ Житомиромъ связи никакой и, что тамъ дѣлается, намъ совершенно неизвѣстно.

Въ послѣдній день пребыванія въ городѣ поляковъ, въ 11 часовъ утра, я случайно подошла къ окну своей комнаты, на Левашевской улицѣ.

«Вы бы, барышня, лучше въ погребъ ушли, а то сейчасъ весь кварталъ взрывать будутъ», посовѣтовалъ мнѣ дворникъ.

«Кто? Зачѣмъ?»

«Извѣстно кто, поляки. Еще большевиковъ ругаютъ, а сами хуже ихняго поступаютъ».

Народъ, повидимому, почувствовалъ, что уже пора направить свои симпатіи въ сторону большевиковъ, и я ничуть не удивляюсь, если по деревьямъ будутъ стрѣлять въ спину отступающимъ полякамъ, — какъ и всякой отступающей власти, — независимо отъ нея самой.

«Да для чего же взрывать-то?»

«А у нихъ снаряды остались въ генераль-губернаторскомъ домѣ, такъ не хотятъ большевикамъ оставлять, а людей имъ развѣ жалко. Хуже собакъ съ нами поступаютъ».

Улица, дѣйствительно, вымерла, возможно, что это правда. Мы спускаемся всѣ въ подвалъ и какъ разъ во время. Черезъ минуту раздастся оглушительный взрывъ и со звономъ летятъ стекла въ нашемъ и сосѣднемъ домахъ. Потомъ другой, третій, такъ продолжается нѣсколько часовъ.

Когда я часа въ 4 выхожу изъ дому, весь тротуаръ покрытъ стеклами. Польскихъ солдатъ почти незамѣтно, только въ Царскомъ саду стоятъ нѣсколько орудій и 2—3 человекъ при нихъ. Повидимому, еще не успѣли вывезти.

Въ Пассаждѣ я застаю Н. На его добродушномъ лицѣ написано желаніе утѣшить и сознаніе совершенной невозможности этого.

«Вы не теряйте надежды, — говоритъ онъ мнѣ. Знаете, вѣдь мосты всѣ взорваны, такъ мнѣ одинъ знакомый военный, специалистъ по этой части, объяснилъ это тѣмъ, что поляки сконцентрировали всѣ свои войска на нашу сторону Днѣпра и будутъ здѣсь защищаться. Имъ вѣдь нужно только денька два продержаться, а тамъ подкрѣпленіе придетъ изъ Варшавы».

«Знаю, армія Пилсудскаго. Только держаться некому, Смилгъ-Рыдзъ уже на автомобилѣ уѣхалъ».

Онъ замолкаетъ.

Эту ночь городъ проводитъ безъ власти. Мы, Кіевляне, впрочемъ, къ этому привыкли и не очень смущаемся. Мы отлично знаемъ, что вотъ уже скоро три года, какъ ничего, кромѣ непріятностей, отъ власти не имѣли. Въ такихъ случаяхъ на улицахъ появляются какіе-то неизвѣстные молодые люди съ повязками на рукахъ. Грабятъ ли они сами, или защищаютъ отъ грабителей, въ точности никому неизвѣстно. Говорятъ, что есть настоящіе, которые защищаютъ, и поддѣльные, которые грабятъ. Справиться объ этомъ, въ случаѣ надобности, можно по бездѣйствующему телефону въ какомъ-то учрежденіи, которое тоже иногда оказывается поддѣльнымъ. По-моему, самое лучшее — это стараться ихъ избѣгать.

Ночуемъ мы, моя мать и я, въ Пассаждѣ, въ большихъ домахъ всегда безопасно, а на слѣдующее утро на улицахъ появляются «они». По прежнему, кажется страннымъ и непонятнымъ, что эта кучка оборванныхъ людей взяла городъ, городъ, гдѣ столько здоровыхъ, сильныхъ мужчинъ, гдѣ всѣ такъ жадно стремятся къ освобожденію и ничего не хотятъ для этого сдѣлать.

Я вытаскиваю изъ ящика свою, мирно отдохавшую тамъ въ теченіе мѣсяца, китайскую бумагу и выхожу съ ней на улицу. Тянутся обозы, идутъ истомленные голодные солдаты. Пока ихъ еще мало. Объясняется это на самомъ дѣлѣ отсутствіемъ мостовъ, а люди, вродѣ Н., будутъ объяснять близостью поляковъ и неувѣренностью въ обладаніи городомъ большевиковъ, и мы будемъ вѣрить, потому что вѣрить надо, иначе жить нельзя.

Организуется власть; какъ изъ рога изобилія сыплется приказъ за приказомъ.

«Мы ушли не надолго, мы пришли навсегда», красуется гордая надпись на стѣнахъ университета. А мы, Кіевляне, снова покорно вдѣли головы въ ярмо и готовы ждать, ждать одъ безконечности, пока кто-нибудь — все равно кто — только не мы сами, освободитъ насъ.

IV

Дѣло Агѣева

«Не хотите ли пойти со мной завтра въ судъ на дѣло Агѣева», предложилъ мнѣ мой хорошій знакомый тов. Р., комендантъ одного изъ городовъ на югѣ Россіи. Большевикетскій судъ! Я себѣ этого совсѣмъ не представляла. Не въ подвалъ же Чрезвычайной Комиссіи онъ хочетъ меня повести.

«А что это за дѣло такое и гдѣ оно будетъ разбираться?» — «Ну, какъ, неужели вы не знаете? Дѣло бывшаго комиссара по Артиллеріи XII Арміи, обвиняется во взяточничествѣ, содержательствѣ игорныхъ домовъ, приглашеніи впередъ за деньги приказовъ и т. д. Вашъ Кіевскій продуктъ, можете на него порадоваться. Слушаться оно будетъ въ кунеческомъ клубѣ. Приходите непременно, посмотрите красный бомондъ. Билетъ я вамъ достану».

«А что ему угрожаютъ?»

«Разстрѣль, конечно. Да вѣдь негодяй же такой, что, ей-Богу, жалѣть о немъ не приходится».

Какой бы Агѣевъ ни былъ негодяй, но видѣть, какъ человѣка будутъ приговаривать къ смертной казни мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны, очень ужъ любопытно было посмотрѣть обстановку ихъ суда. Я колебалась, колебалась и, въ концѣ концовъ, все-таки приняла предложеніе.

Мы пришли на другой день часовъ въ 11 утра. Дѣло давно уже началось и залъ былъ переполненъ, но благодаря моему спутнику, мы получили мѣста, какъ разъ за скамьей подсудимаго. Я до такой степени была поражена тѣмъ, что увидала, что долго не могла прислушиваться къ объясненіямъ Агѣева, во время которыхъ мы какъ разъ вошли.

Мнѣ всего одинъ разъ до того пришлось быть въ судѣ, это было въ Кіевѣ же на дѣлѣ Бейлиса, и я могу смѣло сказать, что теперешняя обстановка нисколько не уступала въ торжественности бывшей при царѣ. Тотъ же громадный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, тѣ же канделябры на немъ, тѣ же степографистки по бокамъ, тѣ же пристава, безшумно наблюдающіе за порядкомъ, только называются они теперь комендантами. Въмѣсто царскихъ портретовъ по стѣнамъ висѣли, если не ошибаюсь, портреты Ленина и народнаго комиссара юстиціи. Я не говорю уже о председателѣ и членахъ суда; на ихъ лицахъ было написано то же сознаніе своего долга и права судить и приговаривать, какое было у ихъ царскихъ предшественниковъ; одѣты они были въ штатское платье.

Публика также представляла большой интересъ. Были жены, то-есть то, что называется женами въ Совдепѣ, всѣхъ членовъ суда. Въ туалетахъ онѣ, повидимому, не стѣснялись и одѣты были, хотя и неумѣло, чувствовалось отсутствіе привычки къ этому, но по большей части богато. Нѣкоторые носили довольно дорогіе мѣха. Кромѣ нихъ, публика состояла изъ высшихъ большевистскихъ сановниковъ и небольшого количества частныхъ лицъ. Словомъ то, что мой спутникъ назвалъ краснымъ бо-мондомъ.

Постепенно, однако, я освоилась съ обстановкой и стала прислушиваться къ тому, что говорилъ Агѣевъ. Наканунѣ я успѣла все-таки разспросить о немъ, его многіе знали, такъ какъ онъ былъ кіевляниномъ по происхожденію и всю свою жизнь провелъ въ Кіевѣ. Выяснилось, что, строго говоря, очень жалѣть о немъ, дѣйствительно, не стоило. Кромѣ всего того, что рассказалъ мнѣ о немъ Р., я узнала, что онъ былъ провокаторомъ. Незадолго передъ своимъ арестомъ онъ спровоцировалъ трехъ бавкировъ-валютчиковъ, въ очень маленькомъ масштабѣ, затѣмъ взялъ у нихъ взятку, остался недоволенъ ею и выдалъ ихъ Ч. К. Говорилъ, что этой взяткой онъ долженъ былъ подѣлиться съ кѣмъ-то изъ чекистовъ, не захотѣлъ этого сдѣлать и на этомъ попался самъ. До революціи онъ былъ карточнымъ шулеромъ. Свои объясненія Агѣевъ давалъ довольно спокойно и

даже гладко, повидимому, тяжести ожидавшего его приговора не сознавать. Напиралъ очень много на свои заслуги передъ революціей, на то, что былъ неоднократно раненъ, конечно, категорически отрицалъ всѣ предъявленныя ему обвиненія; а состояли они въ томъ, во-первыхъ, что онъ очень много и азартно игралъ въ карты, во-вторыхъ, что зная о томъ, что будетъ приказъ о реквизиціи портсигаровъ для награжденія ими красныхъ героевъ, предупредилъ объ этомъ ювелировъ и взялъ съ нихъ взятку золотыми вещами. Рассказывая о тѣхъ жертвахъ, которыя принесъ на алтарь революціи, Агѣевъ прежде всего остановился на томъ, что во время эвакуаціи большевиковъ, передъ приходомъ войскъ Деникина, не могъ захватить свою жену, которая осталась въ Кіевѣ и была разстрѣляна добровольцами.

«Замучили они ее, мою Марусеньку, руки ей отрубили. Я ей говорилъ: Марусичка... тутъ слезы, кажется, не очень искреннія, помѣшали ему продолжать.

«Да почему же вы ее съ собой не эвакуировали?» спросилъ его председатель.

«Я не могъ захватить свою жену, когда на пароходъ не было мѣста, даже для товарщицъ».

«Неужели же вы, комиссаръ арміи, не могли найти мѣста для своей жены, когда люди, занимающіе самыя незначительныя должности, отлично находили мѣста для своихъ женъ!»

«Да вѣдь она и сама не хотѣла ѣхать, у насъ сынъ въ красной арміи тоже раненъ былъ, онъ отъ насъ былъ тогда отрѣзанъ, и она не хотѣла ѣхать, пока не получитъ извѣстій о немъ».

«Значитъ, теперь уже выходитъ, что она сама не хотѣла, а не то, что мѣста не было. А теперь, скажите, были ли вы тогда уже знакомы со своей второй женой?»

«Да, былъ».

«А были вы уже тогда съ ней въ близкихъ отношеніяхъ? Предупреждаю васъ, на этотъ вопросъ вы можете не отвѣчать».

«Отчего же. Нѣтъ, не былъ».

Давая дальшия объясненія по поводу найденныхъ у него при обыскѣ золотого портсигара и кольца, Агѣевъ заявилъ, что вещи эти онъ дѣйствительно взялъ, но что онѣ ему были необходимы:

«Вѣдь вы же, товарищи, знаете, какъ дорога жизнь», вкрадчивымъ голосомъ говорилъ онъ, обращаясь къ членамъ суда, «можетъ быть, этого и не слѣдовало дѣлать, можетъ быть, это была ошибка съ моей стороны, но я хотѣлъ послать эти вещи въ деревню обмѣнять на муку. Такъ дешевле выходитъ».

«Значитъ вы, обвиняемый Агѣевъ, имѣете обыкновеніе для дешевизны обмѣнивать на муку чужіе портсигары?» холоднымъ и язвительнымъ тономъ допрашивалъ председатель, не глядя на него и поглаживая красивыя бѣлыя руки.

Агѣевъ самъ, обращаясь къ суду, говорилъ вначалѣ «товарищи», но и председатель и члены суда называли его обвиняемымъ или «подсудимый Агѣевъ».

Обращались они съ нимъ вообще очень рѣзко, не давали говорить, поминутно обрывали, и въ ихъ тонѣ чувствовалось уже, каковъ будетъ приговоръ. Агѣевъ, который вначалѣ старался держаться съ ними на равной

ногѣ и былъ какъ будто спокоенъ, сталь, повидимому, самъ сознавать, что. Онъ первичаль все больше и больше, часто пилъ воду, хватался за голову, и жалко, и противно было слышать умоляющій голосъ, которымъ онъ обращался къ трибуналу, прося дать ему возможность что-нибудь пояснить.

«Почему же чужіе портсигары? Это былъ мой, я купилъ его, но не успѣлъ заплатить сразу, такъ какъ не зналъ его вѣса. Такія вещи вѣдъ расцѣниваются на золотники».

«А развѣ у этого ювелира, по какой-нибудь злой случайности, не было вѣсовъ для взвѣшиванія, вѣдъ обычно они бываютъ въ такомъ магазинѣ?»

«Можетъ быть, и были, но у меня съ собой денегъ не было».

«Такъ какъ же именно, подсудимый Агѣевъ, деньги у васъ отсутствовали, или вѣсы въ магазинѣ?»

«И то, и другое, да вѣдъ это не важно же, товарищи, вѣдъ на слѣдующій день я заплатилъ сполна!»

«Вопросъ о томъ, заплатили ли вы, выяснится изъ свѣдѣтельскихъ показаній».

Упомянувъ о своихъ заслугахъ передъ революціей, Агѣевъ съ особенной настойчивостью остановился на томъ, что добровольно выслѣдилъ и даже самъ на автомобилѣ доставилъ въ Ч. К. 3-хъ, впоследствии разстрѣлянныхъ банкировъ-валютчиковъ. Но и тутъ предсѣдатель оборвалъ его:

«Скажите, обвиняемый, зачѣмъ собственно вы, занимающій такое трудное и отвѣтственное мѣсто, какъ комиссаръ арміи, отдавали драгоценныя минуты своего времени ловлѣ спекулянтовъ? Вѣдъ вы же не членъ Чрезвычайной Комиссіи или Особаго Отдѣла?»

«Я — коммунистъ», гордо произнесъ въ отвѣтъ Агѣевъ, повидимому, сильно рассчитывая на эффектъ этой фразы, но мнѣ кажется, хотя предсѣдатель промолчалъ, эффектъ отъ нея былъ обратный тому, котораго ожидалъ подсудимый. Слишкомъ очевидно для всѣхъ было, что причина провокаціи не лежала въ чисто партійныхъ убѣжденіяхъ Агѣева.

Агѣевъ много и съ пафосомъ говорилъ о вѣрѣ своей въ конечное торжество революціи, о томъ, какъ старался всѣ силы отдать на служеніе ей, на то, чтобы когда-нибудь въ, можетъ быть, близкомъ будущемъ достигнуть диктатуры пролетаріата.

«Обвиняемый, вы обнаруживаете полную политическую безграмотность», снова и съ особой рѣзкостью оборвалъ его предсѣдатель, «диктатура пролетаріата не будетъ, она есть; черезъ диктатуру пролетаріата мы идемъ къ общему равенству».

«Я знаю, я ошибся», испуганно пролепеталъ Агѣевъ и, какъ гимназистъ, приподнявшись черезъ минуту съ своего мѣста, поправился: «я думалъ — въ міровомъ масштабѣ».

Разсказывая о заблужденіяхъ своего прошлаго, Агѣевъ особенно настаивалъ на томъ, что шулеромъ никогда не былъ. Онъ много и азартно игралъ въ карты, былъ даже при старомъ режимѣ зарегистрированъ, но не какъ шулеръ, а какъ профессиональный игрокъ. Но все это было до революціи, а потомъ онъ поступилъ въ партію коммунистовъ и навсегда порвалъ съ своимъ прошлымъ.

«А между тѣмъ, вы продолжали играть и потомъ», сказалъ ему кто-то изъ членовъ суда. «Тѣмъ болѣе вы съ вашимъ прошлымъ должны были быть осторожнымъ, разъ революція уже одинъ разъ простила васъ».

«Революція меня не прощала, мнѣ не въ чемъ было просить прощенія. Мои ошибки были обычные заблужденія, свойственныя молодости, а не преступленія».

Въ показаніяхъ и отвѣтахъ Агѣева замѣчалась странная двойственность. Наряду съ нѣкоторымъ нахальствомъ, иногда почти грубостью, онъ при первой попыткѣ оборвать его, обнаруживалъ совершенную растерянность.

«Скажите, обвиняемый Агѣевъ, вотъ вы говорите, что совершенно перестали играть въ карты, а между тѣмъ и свидѣтельскими показаніями установлено, и вы сами подтвердили, что ходили въ тайные игорные дома?»

«Я ходилъ туда изъ чувства долга. Мы получили свѣдѣнія, что такіе дома существуютъ, что тамъ крупно играютъ и я хотѣлъ эти свѣдѣнія провѣрить».

«А скажите, пожалуйста, обвиняемый, развѣ принято при исполненіи такихъ обязанностей брать съ собою жену? Вѣдь вамъ, какъ коммунисту, было вѣроятно тяжело и противно ходить въ эти дома, такъ зачѣмъ же вы жену съ собою брали?»

«Я ходилъ туда обычно послѣ театра, нарочно въ такое время, когда могъ застать самую крупную игру и не хотѣлъ жену оставлять одну дома».

«Но сами-то вы не играли?»

«Нѣтъ, не игралъ».

«А между тѣмъ, облава застала васъ съ картами въ рукахъ».

«Я хотѣлъ, чтобы меня не стѣснялись и продолжали играть и при мнѣ».

«Васъ заставляли и видѣли тамъ играющимъ очень часто. Впрочемъ, все это выяснится изъ свидѣтельскихъ показаній».

Послѣ объясненій Агѣева былъ объявленъ двадцатиминутный перерывъ и судъ въ полномъ составѣ удался. Обвиняемаго также увели. Видъ у него въ достаточной степени жалкій и, хотя преступленій за нимъ было много, смотрѣть на него было все же тяжело. Мой спутникъ, который встрѣчалъ его раньше изящнымъ красавцемъ во флотской формѣ, говорилъ, что онъ неузнаваемъ. Въ публикѣ съ нетерпѣніемъ ждали свидѣтельскихъ показаній. Ожидалось много разоблаченій, и говорили, что свидѣтели окончательно погубятъ Агѣева. Особенно интересовало всѣхъ показаніе председателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи тов. Павлова. Въ залѣ передавали другъ другу фразу, будто бы принадлежавшую Агѣеву. Когда Павловъ, удивлявшійся его тратамъ, спросилъ его: «да гдѣ же ты деньги берешь?» Агѣевъ отвѣтилъ ему: «тамъ же, гдѣ и ты». Между прочимъ, въ первой части процесса, председатель спросилъ Агѣева, правда ли, что онъ хвасталъ, что на ты съ Павловымъ. Агѣевъ въ ту минуту, какъ разъ настроенный комбативно, отвѣчалъ: «на ты я съ нимъ не былъ, а если бы и былъ, то не вижу чѣмъ тутъ хвастать».

Перерывъ закончился и послѣ громогласно превозглашеннаго комендантомъ: «судъ идетъ, прошу встать», засѣданіе возобновилось. Начался допросъ свидѣтелей.

«Пригласить свидѣтеля товарища Павлова», сказалъ Ивановъ.

Председатель Чрезвычайной Комиссіи, какъ человекъ очень занятой, допрашивался первымъ.

Въ залѣ водворилось особое жуткое молчаніе.

Тихой, спокойной походкой, съ палкой въ рукахъ, если не ошибаюсь, шляпой на головѣ, Павловъ подошелъ къ столу. Всѣ, не отрывая глазъ,

смотрѣли на него. Страшно было подумать, какъ всецѣло всѣ мы, и публика, и подсудимый, и даже судьи, сидящіе за краснымъ столомъ, находились во власти этого человѣка.

Небольшого роста, тонкій, изящный, съ пожалуй даже красивымъ лицомъ; а между тѣмъ, въ его манерѣ стоять, опершись на палку, въ его тихомъ, мѣрномъ голосѣ, въ его увѣрелныхъ рѣдкихъ жестахъ, было что-то невообразимо отталкивающее.

«Скажите, пожалуйста, товарищъ», особенно мягко обратился къ нему председатель, «знакомъ ли вамъ подсудимый?»

«Да, я знаю его», тихо, не глядя на Агѣева, отвѣчалъ Павловъ. «Это бывший комиссаръ XII Арміи Агѣевъ».

«Приходилось вамъ съ нимъ встрѣчаться?»

«Да, онъ приходилъ ко мнѣ по дѣлу и одинъ разъ даже оставался пить чай у меня. Къ тому же мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ въ кабинетѣ комиссіи, при допросахъ обвиняемыхъ».

«Какое впечатлѣніе онъ производилъ на васъ?»

«Я всегда считалъ Агѣева нравственно нечистоплотнымъ человѣкомъ».

Я не могу вспомнить точно и въ ихъ послѣдовательности всѣ отвѣты Павлова, но помню хорошо, что эту фразу онъ произнесъ своимъ спокойнымъ голосомъ, не глядя на подсудимаго, не менѣе 3-хъ разъ. Жутко звучалъ въ устахъ председателя Ч. К. аттестатъ о нравственной нечистоплотности, и жутко было представить себѣ, что на слѣдующій день въ подвалѣ на Екатерининской улицѣ будетъ сидѣть, ожидая своей очереди быть разстрѣляннымъ, Агѣевъ.

«Простите, пожалуйста, товарищъ Павловъ, вотъ вы сказали, что встрѣчались съ Агѣевымъ у себя въ кабинетѣ. Такъ вотъ, намъ хотѣлось бы знать, практикуется ли это теперь вообще, что лицо, не имѣющее отношенія къ комиссіи, даже, если занимаетъ такой отвѣтственный постъ, какой занималъ Агѣевъ, присутствуетъ при допросахъ».

«Такіе приемы практиковались всегда; они называются очной ставкой».

«Благодарю васъ, товарищъ, теперь мнѣ ясно, значитъ Агѣевъ присутствовалъ въ комиссіи только при его очныхъ ставкахъ. Но не обнаруживалъ ли онъ вообще, частнымъ образомъ въ бесѣдахъ съ вами особаго интереса къ нѣкоторымъ дѣламъ?»

«Да, онъ очень интересовался дѣломъ банкировъ».

«Вы, можетъ быть, вспомните, тов. Павловъ, не удивлялъ ли васъ исключительный интересъ Агѣева къ этому дѣлу?»

«Очень удивлялъ».

«Товарищъ Павловъ, вспомните», умоляющимъ голосомъ заговорилъ, вставая съ своего мѣста Агѣевъ, «не говорилъ ли я вамъ, что вообще хочу поступить на службу въ Чр. Комиссію».

«Говорили».

«Не объяснилъ ли я этого жаждой мщенья за разстрѣлянную жену?»

«Причинъ вашихъ я не помню».

«Больше никто не имѣетъ вопросовъ?» — вмѣшался председатель, очевидно не желавшій отнимать время у Павлова. «Благодарю васъ, товарищъ!»
Послѣ Павлова показывали еще другіе низшіе служащіе и агенты Ч. К. Все ими сказанное сводилось къ проявленному Агѣевымъ исключительному интересу къ дѣлу банкировъ, и съ каждымъ показаніемъ Агѣевъ все больше и больше

терялъ самообладаніе. Не спрашивая позволенія предсѣдателя, иногда не вставая съ мѣста, онъ самъ обращался съ вопросами къ свидѣтелямъ. «Кто здѣсь предсѣдатель, вы или я», крикнулъ на него, наконецъ, потерявшій терпѣніе Ивановъ. «Простите меня, ради Бога, я такъ нервничаю», умоляющимъ голосомъ сказалъ Агѣевъ. Воду онъ выпилъ всю, а другой никто не подавалъ ему. Казалось, что даже у сидѣвшаго съ нимъ рядомъ защитника по назначенію было къ нему только гадливое чувство. Держа въ рукахъ графинъ, онъ жалобно озирался на публику, тогда комендантъ суда подаль ему воду и онъ сталъ снова пить стаканъ за стаканомъ. Особенно волновался Агѣевъ при выясненіи вопроса о томъ, былъ ли онъ шулеромъ, и, мнѣ кажется, послѣднимъ свѣтлымъ мгновеніемъ его жизни было, когда одинъ изъ агентовъ судугроза (судебно-уголовнаго розыска), подтвердилъ, что оттискъ большого пальца правой руки брался не только у шулеровъ, но и у профессиональных игроковъ. Когда давали показанія ювелиры, предупрежденные Агѣевымъ о готовящейся у нихъ реквизиціи вещей, тотъ изъ нихъ, у котораго Агѣевъ, будто бы, купилъ портсигаръ, заявилъ, что деньги за него и на другой день не получилъ.

Агѣевъ всплеснулъ руками.

«Да вѣдь вы на предварительномъ слѣдствіи показали, что вамъ Агѣевъ на слѣдующій день заплатилъ», спросилъ его предсѣдатель.

«Ну да, я показалъ», отвѣтилъ ювелиръ — крошечный толстый человекъ, старавшійся, мнѣ кажется, нарочно усилить комизмъ своего акцента и отвѣтовъ: «Мы съ нимъ оба сидѣли въ Ч. К., такъ онъ ко мнѣ подошелъ на дворѣ и говорилъ: «скажи, что я тебѣ заплатилъ, а не то тебѣ плохо будетъ», такъ я испугался и сказалъ, какъ онъ велѣлъ».

«Чего же вы испугались?»

«Чего я испугался? вы посмотрите на меня, а потомъ на него, такъ вы увидите, чего я испугался».

Дѣйствительно, контрастъ между красивой и рослой фигурой Агѣева и маленькимъ ювелиромъ былъ большой. Въ публикѣ раздался смѣхъ, а между тѣмъ, съ этимъ показаніемъ оборвалась послѣдняя нить, привязывавшая человека къ жизни.

Очень тяжелое впечатлѣніе произвело показаніе второй жены Агѣева. Нарочно ли, или по незнанію языка, она была полька, она только отяготила обвиненіе. На предложенный ей обвинителемъ вопросъ, была ли она въ интимныхъ отношеніяхъ при жизни его первой жены, она, несмотря на данное ей разрѣшеніе не отвѣчать, отвѣтила утвердительно. Она держала себя вполне спокойно. А онъ жадно, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на нее. Это была маленькая, неказистая, скромно одѣтая женщина. Когда она уходила, онъ долго провожалъ ее глазами, а потомъ, понимая уже, повидимому, что ждетъ его, спросилъ предсѣдателя, разрѣшено ли ему будетъ съ ней проститься.

Во время допроса какого-то свидѣтеля, обвинителю подали записку, и онъ, прочтя ее, обратился къ предсѣдателю съ заявленіемъ, что ему извѣстно о томъ, что въ залѣ находится человекъ, лично давшій Агѣеву взятку въ 300.000. Это произвело очень большое впечатлѣніе. «Выйдите тотъ, кто далъ эту взятку», истерически крикнулъ Агѣевъ. Предсѣдатель велѣлъ ему молчать подъ какой-то угрозой, — не знаю въ сущности, чѣмъ

еще ему можно было угрожать, а затѣмъ пошентался съ членами и произнесъ, чеканя каждое слово:

«Верховный революціонный трибуналъ своей властью гарантируетъ прощенье и полную безопасность тому, кто далъ взятку Агѣеву, пусть онъ выйдетъ».

Наступило гробовое молчаніе. Никто не выходилъ. Агѣевъ, упавъ головой на столъ, громко зарыдалъ.

Въ залѣ раздался крикъ: «Разбойники, палачи, за что вы его мучаете, будьте вы прокляты».

«Товарищъ комендантъ, выведите изъ залы суда сидящаго во второмъ ряду и арестуйте его», холоднымъ голосомъ приказалъ Ивановъ.

Агѣевъ приподнялся.

«Господинъ предсѣдатель, простите его, это мой сынъ».

Ивановъ поклонилъ голову:

«Я это знаю. Въ свое время онъ будетъ освобожденъ».

Молодого человѣка увели изъ залы, несмотря на его сопротивленіе. Больше оставаться я не могла. Мы ушли.

Очевидцы процесса, оставшіеся до конца, рассказывали, что нѣсколько времени спустя у Агѣева сдѣлался припадокъ сумасшествія: «кровь, кровь, всюду кровь», кричалъ онъ, стряхивая и вытирая платкомъ руки. Нѣкоторые считали это симуляціей. Судъ совѣщался недолго и вынесъ смертный приговоръ. Агѣевъ уже пришелъ въ себя и выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ. Онъ просилъ разрѣшенія оставшіеся ему 48 часовъ провести въ обществѣ сына и жены. Это ему было позволено.

Въ Кіевѣ усиленно говорили, что въ теченіе этихъ 48 часовъ изъ Харькова пришелъ приказъ о помилованіи и о замѣнѣ наказанія, но что по нѣкоторымъ причинамъ Агѣева предпочли разстрѣлять. Въ Харьковѣ же было отвѣчено, что помилованіе пришло слишкомъ поздно.